

Алишер Навои

ЯЗЫК ПТИЦ

(Лисонут-тайр)

Перевод С. Иванова

Фрагменты

Птицы отправляются на поиски Симурга

**О том, как Удод поведал о Симурге, когда птицы, не найдя себе шаха, были объаты
смятением**

Был Удод удостоен премудрости светом
И увенчан венцом, как корона надетым.

Был отмечен почетом, высоким и славным,
И венцом, словно нимбом высокодержавным.

Горних тайн удостоенный, как Джебраил,
Он в высотах господня престола парил.

Он явился средь сборища, как одержимый, -
Мотылек, к жару правды и света движимый.

"К-эй, невежды, - сказал он, - безумное стадо!
Ваше сердце суетам невежества радо.

Шах ведь есть, но не мог его разум ничей
Описать даже сотнею тысяч речей.

Он - властитель пернатых всего мироздания,
Все он знает про вас - вашу жизнь и деянья.

Он всегда рядом с вами, незрим и неведом,
Вы не с ним - он при вас вездесущим соседом.

Оперенье - ста тысяч цветов перелив,
Сто узоров, и каждый чудесно красив.

Разум сникнет пред тем изобильем узорным,
Но неведение это не будет позорно.

Пред его совершенством бессилен и разум:

Ведь рассудок не может постичь его разом.

А владенья его Каф-горою зовут,
А его птицей Анкой порою зовут.

А Симуург - его имя, известное всюду, -
На земле и под ширю небесною, - всюду!

Быть вдали от него - так судьба вам сулила,
Он же - тут, возле вас, будто шейная жила.

Что за жизнь, если нет его рядом с собой?
Лучше смерть, чем мириться с такою судьбой".

О том, как Удод рассказал о свойствах Симурга в ответ на почтительные просьбы птиц

Речь Удода как будто нектар источала,
А дыхание сладость, как дар, источало.

Видит он: сонм пернатых тревогою полон,
И тогда речь такую пред ними повел он:

"Все, что знаю о нем, слово в слово скажу,
Что из тайн я постиг дорогого, - скажу.

Только этим рассказом не кончится дело:
От речей ведь казна не была еще целой.

Шах и сущность его велики беспредельно,
Ваша цель и пути далеки беспредельно.

"Расскажи нам о шахе", - я слышу от вас,
Мне ж и в тысячу лет не закончить рассказ!

Суть его никогда и никем не открыта,
Но и имя его да не будет забыто.

Если влаги живящей касаешься с жаждой,
Счет ведешь не глотками, а капелькой каждой.

Каждый раз, как язык увлажняет уста,
Да вспомнят то имя, чья суть не проста!

Шах велик, моего разумения выше,
Суть его - моего постижения выше.

Как же выразить высшую суть я посмею,
Как же немощным словом дерзнуть я посмею?

Но уж если у птиц есть желанье сейчас,
Чтобы я о том шахе повел свой рассказ,

Я о сути его, хоть и в тысячной доле,
Разных мыслей вам выскажу тысячи боле.

Он ведь наш повелитель, над шахами шах он,
Нет того, чтоб не ведал о наших делах он.

Суть едина и образ един у него.
Больше тысячи свойств и личин у него.

Все они, где природа жива, проявились,
Все в единстве его существа проявились.

Никому не вздохнуть ни единого раза,
Если нет на то воли его и приказа.

То вздымаясь над нами, то падая вмиг,
Он в деяньях бывает и мал и велик.

Пестр он перьями - тысячи пестрых пушинок,
В каждом перышке - тысячи тысяч ворсинок.

С трудной думой он встретится или с простою,
Его мудрость и ум - с океан широтою.

Он вам жизнь буйной силой своею открыл,
В поднебесье вспарили вы взмахами крыл.

Алой крови поток в ваших венах - он, знайте,
И душа в вашем теле и членах - он, знайте.

Даже ближе души он для вашего тела,
Близок так, что уж ближе и нету предела.

От него вы на тысячу лет далеки,
Даже так, что уж дальше и нет, далеки!

И душа для того, кто не с ним, бесполезна,
Жить тому, кто душой не храним, бесполезно!

Если ж с ним единенье достигнуто вами,
Это - лучше владения всеми мирами.

Жить в разлуке с ним - смерть. Восемь райских садов
Будут хуже, чем ад и его семь кругов.

Но найти его запросто, вдруг - невозможно.
Без труда, без терпенья, без мук - невозможно.

К цели двинешься - тысячи бедствий приспели,
Но ее не достигнешь, не ведая цели.

Бесконечная даль - в ту долину идти,
Бесконечны опасности к ней на пути.

Жить без отдыха надо в парении смелом,
Даже если бессмертие будет уделом.

На пути будут реки с водою кровавой,
Нет, не с кровью, а с ядом, со жгучей отравой!

Там хребты вознесли к небесам остря,
И по каждому крови стекает струя.

Там простерлись пустыни - бескрайнее пламя,
И огонь прямо в небо взвился языками.

Там леса угрожают пришельцу враждою,
Ветви злобой чреватые, а листья - бедою.

Там по небу тяжелые тучи кружат,
И не ливень из них, а камнями - град.

Просверк молний из туч там в падении яром
Опаляет весь мир и сжигает пожаром.

Там скиталец ночлег в непогоду не сыщет,
И вовеки ни пищу, ни воду не сыщет.

Миллионы пернатых, покинув свой кров,
Бились крыльями в небо десятки веков,

Но никто не бывал в том пределе доныне,
И никто не достиг этой цели доныне!

Но отдавшему жизнь в этой доле исканий
Смерть - ста жизнью прекрасней, бессмертья желанней.

Сколько птиц в цветнике всего мира - везде,

Сколько их ни найдется - в полете, в гнезде, -

Клич вселенский им крикнуть проворнее надо,
В те края дать дороги им горние надо.

Пусть умрут на пути к той долине забвенья
За того, кто не ведал донныне забвенья.

Коль ста тысячам душ благо смерти дано,
Смерть - во благо: ведь каждой бессмертье дано!

Если ж счастье в судьбе им радетелем будет,
Если рок вожаком к добродетелям будет,

Пусть их путь пролегает в бескрайней пустыне,
Где ни счастья, ни радостей нет и в помине,

Но обрящут все птицы цветущий тот дол,
Где бы сонм их навек единенье обрел,

Да пребудут при шахе под благостной сенью,
Да сподобятся вечному с ним единенью,

Да найдут свой приют на небесном престоле
И да вступят под сень Гамаюновой¹ воли!"

Описание города Китая и рассказ о том, как туда упало перо Симурга

В дни иные, - поведал Удод птичьим стаям, -
На востоке был город, он звался Китаем.

Нет, не город! То был целый мир без предела,
Словно десять миров, там народу пестрело!

А страна там прекраснее райских садов,
А вода там чудеснее райских прудов!

Как-то ночью властитель всех гнезд в этом мире
Пролетал над вселенной в подоблачной шири,

И полет его горний пролег над Китаем -
Над страной, что схожа по прелести с раем.

Вдруг сияньем залило полночную тьму,
И народ беспредельно дивился тому.

¹ Гамаюн (Хумаюн) - птица счастья, дарующая счастье тому, на кого падет Джебраил - библийский архангел Гавриил.

Это шах тот перо обронил, пролетая,
И оделись в сиянье пределы Китая.

То перо было пестрым, с чудесным узором, -
Если все описать, слово будет нескорым.

И наутро народ вновь обрел свой покой,
Но дивился перу и расцветке такой.

То перо разожгло любопытство к узорам,
Каждый стал в рисованьи умелым и спорым.

И от этого всем им - и детям, и взрослым -
Дар был послан к художествам, к дивным ремеслам.

Был один человек там уменьем высок -
В живописном искусстве великий знаток.

Его имя - Мани, а пером - чУдодей он,
Дар его был редчайшею славой овеян.

Правду пишут мужи разуменья, считая
Манихейскую мудрость твореньем Китая.

То перо и сейчас озаряет Китай,
Словно гурия светлым сиянием - рай.

Вот как было. Перо то явилось чудесно,
А что дальше случилось - совсем неизвестно.

Повстречают его - и утратят дар речи,
И ни слова не могут промолвить о встрече.

Рассказать о нем не было воли судеб:
Кто перо повидал, тот в мгновение слеп.

Тьма ворсинок в пере! Вот где славное свойство!
Знай: из качеств его - это главное свойство!

Сколько было бесчисленных изображений
И владельца пера, и его проявлений!

Оперенье его не сравнимо ни с чем,
А вот имя его - имя ведомо всем.

Неизвестно, каким он проследовал краем,

Хоть и нету земли, где б он не был незнаем.

Наша воля его повеленьям подвластна,
Ослушанье - стократною карой опасно.

Для покорных надежда - свидание с ним,
А строптивый испугом и мукой томим.

Ни в одном государстве нет шаха бесценней,
А лишенным его - сотни тысяч мучений.

Он замолк и, с тревогой и криком летая,
Всполошилась в волненьи пернатая стая.

О том, как рассказ Удоды о Симурге и огонь рвения воспламенили сердца птиц

"Эй, вожак наш, - промолвили птицы Удоду, -
Не пристало без шаха жить птичьему роду.

Жить бы нам вот с таким, как сказал ты нам, шахом,
Все теперь о нем ведомо птицам и птахам.

Но в неведение мы, как в оковах, живем,
Мы в разлуке с ним в муках суровых живем.

Лучше смерть, чем в неведение гибнуть всечасно,
Кто разумен, тому наше бедствие ясно.

Раз уж ты между нами нарекся вожатым,
Нашей просьбе внемли, помоги ты пернатым.

Благосклонен к смиренным просителям будь,
В наших странствиях нам предводителем будь.

Мы на поиски шаха пуститься готовы,
Со слезами восторга все птицы готовы.

Мы увидеть его одержимы желаньем,
Не отступим от поисков и не устанем.

Будем крыльями бить и сильнее, и быстрее,
Одолеем просторы пустынь и морей.

Иль достигнуть желанья нашего сможем,
Или души и жизни за это положим!"

О том, как Удод одобрил рвение птиц и высказал им поощрение

И сказал им Удод, радость в сердце питая:
"Ваша речь мне по сердцу, о падшая стая!

Если нам небосвод обещает подмогу,
Если все вы готовы в такую дорогу,

Я готов, сколько рвения есть у меня,
Сколько сил и умения есть у меня,

Быть всегда вместе с вами в великом и в малом
И вести вас по всем перепутьям-привалам.

Будет трудно в пути - я подмогой вам буду
И утехой в печалях дорогой вам буду.

Если вы на пути попадете в беду -
Чтобы справиться с горем, я средство найду.

Что ни встретите - радость ли, злую судьбину,
На мгновение даже я вас не покину.

В перелете беречь вас надежно я буду,
На ночлегах вам стражей надежно буду".

И когда он у птиц их решенье узнал,
Много высказал им он великих похвал.

И на сборище, к высшим свершеньям готовом,
Обратился он к птицам с восторженным словом:

"Вы взыскуете тайны познания вселенной!
Сам ваш облик глаголет о тайне бесценной.

Где началом природы был рай осиян,
Не об этом ли вечность слагает дестан?

К тайнам шаха отныне причастны вы стали,
Меж собою в той тайне согласны вы стали.

Ваши песни поются в его прославление,
И дестаны - величья его восхваление.

Речь его - ваша пища, а мысль - ваша снедь,
А без речи и мысли его вам не петь!

Он внушил вам все сущее, дал все, что надо,
Но сокрыл этот светоч от вашего взгляда".

И когда в птичьем сборище вспыхнула смута,
Каждый был там - как странник, лишенный приюта.

И потерян был путь в сокровенный тот сад,
Словно вовсе у памяти был он отнят.

В сад вселенной дорогу им сделал открытой
Тот, кто брэнную землю им сделал защитой.

"В этой брэнной обители так уж случилось,
Что не тешат сердец ваших благодать и милость,

Если ж бог доведет, вам помочь я смогу,
Снова с ними свести вас воочью смогу.

Это странствие бедами будет чревато,
Но за них вам сердец очищенье - отплата.

Одолеее путь - и победа приспела,
Будут чистыми души, а с ними и тело.

Снова счастье сиянье свое вам вернет,
А за ним и блаженству наступит черед.

А познаете шаха дерзанием смелым -
И для душ ваших вечность да будет уделом.

Вы спознаетесь в странствиях с трудной судьбою,
И увидите шаха в единстве с собою".

Обращение Удода к попугаю

"Попугай сладкогласный, ты песню пропой нам
Рассудительной речью, напевом достойным.

О взыскующий шаха! В зеленом халате
Будь ты Хызром² в пути для заблудших собратий.

Поначалу о родине нам расскажи,
Нас порадуи, потешься и сам,- расскажи.

Ведь отчизна твоя Индустаном зовется,

² Хызр - святой, который нашел чудесный родник, испил воду и обрел бессмертие. С тех пор он в зеленом облачении бродит по земле, помогая путникам, заплутавшим в пустыне.

Шахским садом в цветенье багряном зовется.

Твой напев - это сладкая нега свиданья,
Кто глотнет той услады - слагает сказанья.

Удостоен сидеть ты на шахской руке,
Отзвук шахских речей - на твоём языке.

Ты с чужбины к далекому дому собирайся,
И лететь прямо к саду родному собирайся".

Обращение Удада к павлину

"Покажи нам, Павлин, свой цветник сокровенный,
Ты яви нам свой блеск - изумленье вселенной!

Над твоей головою - корона главенства,
А сокровище тела - само совершенство.

Ты великой красоты в оперенье достиг,
Описать твою прелесть - немеет язык.

Твоему существу подобает величье,
Твоему естеству - совершенство в обличье.

Но забыл ты приют свой в отчизне далекой,
Блещет шахский цветник в красоте одинокой.

Но смотри, свой родимый цветник не забудь,
Прутья гнусной темницы сумей разомкнуть.

И о пиршествах шахских напевы слагая,
Ты лети к цветникам позабытого края!"

Обращение Удада к соловью

"Соловей! О певец, вдохновляемый страстью,
Звонкой песней залейся, внушаемой страстью!

Песнь любви ты слагаешь - в ней тысячи трелей,
Безголосых срамишь ты, чтоб были умелей.

Тебя шахские розы пьянят красотой,
И вкушаешь ты страсти пьянящий настой.

Лишь оденутся розы пылающим цветом,
В каждом перышке пламя зардеет отсветом.

А вдали от садов твоя песнь онемела,
Стало пеплом от жара разлуки все тело.

В голубых небесах к дальним странам лети,
Вдаль к возлюбленным розам багряным лети.

Сотни роз в цветнике рдеют пламенем ярим,
Рдеют тысячи искр в твоём сердце пожаром".

Обращение Удада к горлице

"Спой нам песню, о Горлица сада вселенной,
Дай услышать в ней отзвуки лада вселенной!

Пусть пернатые стаи в смущении смолкнут,
Пусть в бессилье, услышав то пение, смолкнут.

Венчик перьев на шейке, как четки, надет,
Рассказать о нём - слов восхищения нет.

Ты в любом цветнике - словно диво всем птахам,
Твои перья окрашены кровью и прахом.

Запоешь ты - и словно бы стоном застонешь,
В лад безумною страстью влюбленным застонешь.

Только вспомнишь любви очарованный сад, -
Голос твой словно трепетной негой объят.

Не останься в печалях, порадуй нас вестью,
Что летишь ты в цветник свой, вспарив к поднебесью".

Обращение Удада к куропатке

"Куропатка из дальней нагорной долины!
От печали глаза твои - будто рубины.

Как Фархад среди гор, ты в труде неустанна,
Ты, не зная покоя, спешишь беспрестанно.

Красный клюв твой - пылающий жаром тюльпан,
Он от крови страданий, наверно, багрян.

Каф-горою близ горних высот ты бродила,
Не о ней ли в сей дали ты стонешь уныло?

То не хохотом взвились высокие звуки, -
Это - крик твоей ядом напитанной муки.

К Каф-горе ты спешишь, путь далекий открыт,
Пусть надежда свиданья тебя веселит.

Близок час ликования, - ввысь, на свободу!
Через скалы разлуки стремись на свободу".

Обращение Удада к фазану

"О Фазан пестроперый, изяществом славный,
Кипарис - твой слуга в своей доле неравной!

Весь цветник - это дар твоего совершенства,
Розы меркнут от чар твоего совершенства.

Блеск твой видели горы и в долах сады,
Красотой твоей горы и доли горды.

Люб ты живности всякой в полянах веселых,
Мил ты тварям, живущим в заброшенных долах.

И хотя совершенство твое несравненно,
А краса - несравнимо ни с чем совершенна,

Ты красою своей никогда не гордись,
Красотой, как она не горда, не гордись.

Вспомни ту красоту, что не знает порока,
В край пылающих роз путь стреми свой высоко".

Обращение Удада к турачу³

"Эй, послушай, Турач, ты изящен и строен,
Словно птица души, ты любви удостоен.

Лес в наряд свой одет красотой твоею,
Дан лугам яркий цвет красотой твоею.

Твой пьянящий напев так чарующе мил,
Что у внемлющих сердце лишается сил.

Вид твой - чудо чудес, оперенье красиво,
Облик дивно прекрасен, а речь - словно диво.

³ Турач - птица из семейства фазанов.

И с таким совершенством, с повадкой такою,
Да и с речью пленительно-сладкой такою

Ты по вольному должен обычаю жить
Или шаху достойной добычею быть.

Мчится шах на охоту - добычею падай,
И за жертву твою будет вечность наградой".

Обращение Удада к голубю

"Взмой, о Голубь, биением крыл в поднебесье,
Спой нам песню о том, как парил в поднебесье.

Разве в темном жилище томиться приятней?
Ты ослепнешь навеки, томясь в голубятне.

Вспомни небо над шахским чертогом, вспари,
В горнем небе летай от зари до зари.

Иль забыл ты, как сердце в паренье пологом
Замирает и бьется над шахским чертогом?

Видно, ты поотвык быть с султанами рядом,
Ворковать разучился торжественным ладом?

Полетай в те края и над крышей вспари,
И над высью времен, даже выше, вспари.

Пусть изловят тебя - это жребий приметный:
Ты дорогу найдешь к голубятне заветной".

Обращение Удада к соколу

"Добрый путь тебе к нам, Сокол, шахам подобный,
Бесподобен твой облик - красы бесподобной.

Бог возвысил тебя над крылатою ратью,
Наделил красотой и изысканной статью.

Ты от века на шахской деснице сидел,
Есть с державной руки - твой высокий удел.

Шах ласкал тебя, гладил по крыльям и перьям,
Трогал клюв и к когтям прикасался с доверьем.

Небосвод обернулся судьбой вероломной, -

Ты от шахской руки вдалеке - как бездомный.

Ты попался, измена накинула сеть,
И привык ты разлуку в неволе терпеть.

Будь же пленником шаха, будь снова с ним вместе, -
Руку шаха лобзать удостоишься чести".

Обращение Удода к кречету

"Здравствуй, Кречет могучий, подоблачный житель,
Воля шаха тебе нарекла ту обитель.

Венценосец, средь птиц ты - как шах красотой:
Шах отметил короной тебя золотою.

Ты средь птиц венценосных властителем стал,
Шах, как другу, тебе покровителем стал.

И на пиршествах шахских ты принят с почетом,
Нету счета к тебе обращенным заботам.

Не сравнится с тобой птиц и целый десяток -
В десять раз больше всех дан тебе и достаток.

Шах свое уваженье тебе подарил,
Жемчуга и камня тебе подарил.

Далеко ты теперь, но забудь про чужбину,
Прямо в руки лети к своему властелину".

Ответ Удода птицам и рассказ его о явлении Симурга

И ответил Удод расшумевшимся стаям:
"Шахиншахом великим его мы считаем.

Как сокровище, скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.

И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.

И в лучах его солнцеподобного блеска
Сто миллионов теней обозначились резко.

И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.

Образ птиц всего мира, все их существо -
Знай: то тень многомудрой природы его.

Кто познал мудрость этих свершений и понял,
Тот к Симургу свое отношение понял.

Но, провидец, кому этот смысл будет ведом, -
Не вверяй эту тайну речам и беседам.

Знаешь правду ты, глубь этой сути познав,
Поручи ее богу - и будешь ты прав.

Смысл познавший над смыслом не властным зовется,
А лишь к истине смысла причастным зовется.

Если ведаешь ты, чьей являешься тенью,
Мощь и сила даны твоему разумению.

Тот, кто тень эту ищет, а света лишен,
Знай: Симургову тень не изведает он.

А желал бы Симург быть неведомой тайной,
Тень его не была бы такою бескрайней.

Знай, что сущ отблеск тени повсюду дающий,
Если тень его сути является сущей.

Если ж видеть Симурга глазам не дано,
То зеркального блеска сердцам не дано.

Кто тот лик прозревающих глаз не имеет,
Знай, что смысла чужой пересказ не имеет.

Красота его сути любви пожелала,
И явил он подобное солнцу зеркало.

Чтоб себя в нем красой просветленной явить
И красе своей отклик влюбленный явить,

Ведай: сердце восприняло свойство зеркала,
Чтоб сверкание истины в нем не престало.

Так что вот: он являет красы просветленье,
Ты же с сердцем твоим - лишь его отраженье".

Притча

Жил-был шах, красотою - как месяц в зените,
Словно шах среди лун был он в войске и в свите.

Кипарису по статности с ним не сравниться,
Солнце быть рядом с ликом его устыдится.

Был смятением мира чудесный тот лик,
Кто смотрел на него, погибал в тот же миг.

В мир краса его бедственной смутой запала,
В души страсть к нему гибелью лютой запала.

Кто красой всему миру на диво отмечен,
Сотней тысяч примет он счастливо отмечен.

И когда он на площадь верхом выезжал,
И в толпу, бойко правя конем, выезжал,

Кто ему по пути не встречался, бывало, -
Всех краса его сразу же насмерть сражала.

Вся, как есть, в горах трупов, бывало, дорога,
Погулял - да назад: не проедешь тут много.

А молва о красе его всюду была,
И беда от него всему люду была.

И когда весь народ мор оплакивал в плаче,
Он задумал являть лик свой людям иначе.

Повелел он - и сделали слуги зеркало,
И поставили так, чтоб пред троном стояло.

Пред дворцом приказал он построить чертог,
И светильник в нем яркий, как звезды, зажег.

Он и сам на свое естество любовался,
И народ отраженьем его любовался.

А пока он не сделал такого зеркала,
Красоты его людям добра не давала.

А теперь от красоты сам изведал он прок,
И смотревших красую он радовать мог.

Поразмысли и ты: сердце - это зеркало,

Чтобы в нем красоты отражение являла.

Сердце - как бы зеркало в обители тела,
Зри, и шаха красу в нем разглядывай смело.

Только ежели зеркалу блеск не придать,
Падишах тот не явит свою благодать.

Отражение красы той прозришь ты в зеркале,
Коль к прозрению себя подготовишь вначале.

Сколько в зеркале будет сверканья и блеска -
Столько в нем отражений проявится резко.

Притча

Как-то раз Искандер⁴ ввел обычай забавный -
Самому быть послом своей воли державной.

Так Симурга, привыкшего к славе и высям,
Сделал он как бы голубем - носчиком писем.

Вот в какое-то царство приехал он сам,
А повел себя, как подобает гонцам.

Искандеров указ возвестил он исправно,
А ведь сам Искандером и был он, - забавно!

Речь свою по повадкам послов возгласил он,
Сам указ свой - из собственных слов - возгласил он.

Кто ж мог знать, что вот он-то и есть Искандер?
Что гонцом сам принес свою весть Искандер?

Дал он ход повеленьям своим и указам
И поведал все то, что таил его разум.

И среди тысяч людей не постиг ни единый,
Что за образ таится под этой личиной!

Кто о шахе болтать небылицы готов,
Внял бы лучше потайным значениям слов.

Вопрос

Вопрошающий молвил: "О ты, благодатный,

⁴ Искандер - Александр Македонский.

Ты в вожденье достиг высоты благодатной!

Этот путь нам несет беспредельное горе,
Даль его протянулась в бескрайнем просторе.

Как нам эту пустыню несчастий пройти?
Как достигнуть конечной стоянки в пути?

Это странствие будет какое, - поведай,
О суетах пути, о покое поведай.

Расскажи нам подробно - по чину, по ладу,
Поначалу - о бедах, потом - про усладу".

Ответ

"Спутник мой, - был услышан ответ от Удада, -
Твой вопрос этот - очень нелегкого рода.

Коль спросил ты про путь, если слушать ты станешь
Об усладах и бедах долин и пристанищ, -

Сколько будет долин, как далек этот путь, -
Я про все расскажу, ты - внимателен будь!

Семь долин перед нами - простором громадным,
В каждом доле предела нет страхам нещадным,

В каждом доле числа нет путям-перевалам,
Разум никнет пред этим числом небывалым.

Семь долин - разветвление путей и дорог,
С них рассказ я начну, это странствий исток.

Будет первой долиной - долина Исканий,
Дол заветный, начало взыскуемых граней.

Знай: долина Любви дальше путь перекрыла.
Все сожги в той долине - что есть и что было.

И когда твое тело любовью спалит,
Знай, в долину Познания путь твой открыт.

Вслед за ней простирается дол Безразличья,
Знай - ничтожно пред ним небосвода величье,

Дальше - дол Единенья, и в этом пределе

Ты пребудешь единым в пути твоём к цели:

А оттуда долиной Смятенья пойдешь,
Вся долина исполнена муками сплошь.

После всех тех долин будет дол Отрешенья,
Дальше нет ничего, здесь - пути завершенья.

Сколько праведных духом там ищет удачи,
Только все по-другому бывает, иначе.

Не бывало от века вестей с тех дорог, -
Кто туда ни ходил, возвратиться не мог.

Лишь назвать семь долин - невеликое дело,
Рассказать о них - трудности нет и предела!"

ДОЛИНА ИСКАНИЙ

Только ступишь в долину Исканий ногою -
Каждый миг сотни тысяч невзгод пред тобою.

Каждый миг сотни грозных примет перед взором,
Лишь вздохнешь - разом тысячи бед перед взором.

В муках ищешь - и сердце объято тоской,
Душу ранит надежды утрата - тоской.

Там всю душу сожги, в жертву отданный бедам,
А обет единенья навеки неведом!

Там исколото тело шипами несчастий,
А душа там изранена игом напастей.

Там жемчужин заветных ищи - не найдешь,
Да и все, что имеешь, утратишь там сплошь.

Все, чем ищущий связан, — достаток, пожитки, —
Он развеет, четырежды прокляв, до нитки.

Все, что, чуждо исканьям, им будет забыто —
И дорога к желанному станет открыта.

И когда разочтется он с благом мирским,
Мир невиданных благ засверкает пред ним.

Клад сокровищ блеснет на твоём пепелище,
Свет в душе твоей вспыхнет и ярче и чище!

И от искр в твоей страсти огонь распалится,
От огня — твоих помыслов конь распалится.

Сотни новых дерзаний изведает ты,
И к ногам твоим горные рухнут хребты.

И постигнешь душой ты блаженство исканий,
И не будет с тобою ни мук, ни страданий.

Как познаешь ты сердцем бесценность жемчужин,
С ремеслом их добытчика станешь ты дружен.

Если солнце взойдет, единеньем горя,
Сгинет мрак твой, и ярко заблещет заря.

Даже слон, захмелевший в припадке порухи,
Будет слаб пред тобою — ничтожнее мухи.

Сотни тигров и львов повстречаешь дорогой,
А сочтешь их не больше козявки убогой.

И дракон твое сердце бедой не сразит,
В нём ведь склад заповедных сокровищ сокрыт.

Ты удар нанесешь и неверью и вере,
И раденьем твоим да отверзнутся двери.

Дверь отверзнется — сгибнут и вера, и ересь,
Все земное забудешь, покоям тем вверясь.

И неверье и вера благим — не предлог:
На едином пути нет различных дорог!

Притча

Был один падишах — повелитель всесветный,
И казна, и войска его были несметны.

Сын его красотою был так благороден,
Что ему сам Юсуф⁵ для послуг был пригоден.

Солнца блеск был его красотою срашим,
И светило лежало во прахе пред ним.

⁵ Юсуф - библ. Иосиф, воплощение идеальной красоты.

Кипарис его стану был слабою тенью,
Лунный лик доброте его был к украшенью.

Словно солнце, краса его миром владела,
Как луна, он над небом царил без раздела.

Каждый взор его, мир повергая во прах,
Новый мир созидал — в лучезарных очах.

Души речью рубиновых уст сокрушал он,
Души дивной улыбкой лица воскрешал он.

Целый мир был влюблен в него — страстно, до хвори,
Даже гнев его к поданным был им не в горе.

Иноверцы с него не сводили свой взор.
Правоверные гибли от смут и от ссор.

Конь его, словно молния, несся, бывало, —
Целый мир этим пламенем вмиг опаляло.

И безумство владело людскою оравой,
И томил он людей красотой лукавой.

Краем глаза лишь взглянет — красы его меч
Миллионам велит тут же кровью истечь.

Все ему нипочем: все на свете полягут,
А ему — лишь забава — ни горя, ни тягот.

Где бывал он — там ветер не ведал дороги:
Прочь он мчался от страха в смятенной тревоге.

Даже в сад его ветер не смел залететь, —
В каждой высохшей ветви ждала его плеть.

Ехал он как-то раз на коне своем скором
По заглохшим, совсем опустевшим просторам.

Глядь — сто тысяч безумцев рыдают в пустыне,
Одержимы любовью, в тоске и кручине.

На него и не смеют несчастные зреть,
Знают все: это дело напрасное — зреть!

Кто с ним встречи захочет — плохой ли, хороший, —

Эта цель будет им непосильною ношей.

Но сиятельный отрок, привыкший к гордыне,
Вдруг взглянул на людей, что томились в пустыне.

Взор его вдруг заметил двоих бедняков,
Оплетенных любовью, как цепью оков.

"Эй, ступайте,— велел он хранителям в свите,—
И обоих безумцев ко мне приведите".

Только тронул коня, молвил властное слово —
Привели бедняков — одного и другого.

Одного он в острог под ярем посадил,
А другого на псарню псарем посадил.

Был один весь в цепях в заточенье суровом,
А другой тосковал по цепям и оковам.

Были оба в беде, мучась медленным сроком,
И терпели лишенья в несчастье глубоком.

Как-то раз сострадатель им задал вопрос, —
Как, мол, каждый из вас свое бедствие снес?

Псарь промолвил: "Печаль и беда — что такое?
Всем доволен я. Скорбь и страда — что такое?"

Сердце полнит любовь, и в смиреньи убогом
Я готов быть и псом перед милым порогом.

Я собакам слугой-покровителем стал,
Но над ними же я и властителем стал".

А второй отвечал: "Страсть мне сердце сломила,
Пусть пристанищем мне будет даже могила,

Пусть сейчас я закован, как раб, в заточенье,—
Я всем сердцем надеюсь достичь единенья".

Слышал шах луноликий всю суть этих слов,
Незаметно запрятавшись в тайный укров.

Эти люди в исканиях верными были,
Потому и в любви столь примерными были.

Рад был шах солнцеликий речам тем немало.
Их словам его сердце блаженно внимало.

Оценил он их верность в их трудной судьбе,
И явил он им милость, приблизив к себе.

Их исканьями правила верность всеильно, -
И была их награда плодами обильна!

ДОЛИНА ЛЮБВИ

Чуть минуешь долину Исканий, и сразу
Дол Любви тебя примет, открывшийся глазу.

Знай: любовь — это светоч над миром, нетленный!
Нет, не светоч, а пламень над всею вселенной!

Дан в любви не любому, кто любит, огонь,
Лишь одну саламандру не губит огонь!

Бескорыстным в любви, каландаром быть надо,
Саламандрой, охваченной жаром, быть надо.

Одержимым любовью даровано пламя,
Им дано над свечою порхать мотыльками.

А красавицам мудрый обет незнаком:
Недоступно для бабочки быть мотыльком.

Пестрым бабочкам любо средь роз красоваться,
Пред детьми красотой своей похвалиться.

Любо ль им, как дервишам, в одежде посконной
Мотыльками лететь на светильник зажженный!

Пусть у бабочек ярко одежд их пятно,
Мотыльками гореть им в огне не дано!

Соловьем может зваться не каждая птица,
Не любая от страсти в золу превратится!

Кто в любви не горит, значит, он — не влюбленный,
Тот не любит, в ком нету души опаленной.

Для влюбленного радость — в любви себя сжечь,
Но любви не обучит и мудрая речь.

Жаркий пламень любви сожигает жилища, -
Ведь дракон лишь дохнет и — кругом пепелища!

Сердце любящих тьмою стенаний томимо, —
Где молельня огня, что там есть, кроме дыма!

Пламя молний любви все сжигает кругом,
Низвергая с небес опаляющий гром.

Непорочных любовь жгучим жаром сжигает,
Словно молния стог в блеске яром сжигает.

Души любящих страстью горят неподдельной —
Страсть их сделала пламенной огнемолельней.

Если кто-нибудь в огнемолельню попал,
Как ему не сгореть среди огненных жал?

В пламя страсти попал — не дано не спалиться, -
Что в огонь попадет, то в огонь превратится!

Лишь подступишь к любви — и сгоришь в той округе, -
Пламя жжет и стоящего в огненном круге!

Для скитальца любовь — не игра, не обман,
Это — пламя вздувающий в нем ураган.

И в любви пламенеть нужно снова и снова, —
Кто в огне — тот горит, нет исхода иного.

Если с высей любви пламень молнии грянет,
Душу огненным валом захлестывать станет, —

Пламя молнии дом и все брренное жжет,
Да и только ли их — всю вселенную жжет!

Умереть — для влюбленных обычное дело,
Ради друга погибнуть — привычное дело!

Притча

Асмай брел паломником к божьей угоде
И увидел кусты на одном переходе.

Там в кустах, между порослью роз молодой,
Был источник, журчавший живою водою, —

Словно душу влюбленный в ту рощу принес,
И родник переполнился струями слез.

Асмаи у воды сел в том благостном доле,
Чтобы сердце отмыть от печали и боли.

Отдохнув у источника, в благости светел,
Он поодаль приставленный камень заметил.

Там написано было: "Хиджазец, ответь,—
Как заветною тайной надежно владеть?"

Кто в любви сокрушен, что ему нужно делать?
Если немощен он, что ему нужно делать?"

Асмаи тут же вынул перо и чернила,
И рука его быстро ответ настрочила:

"Кто в сей бездне взыскует чистейший исток,
Да не явит он миру бесстыдства порок!"

Написавши на камне те речи, пошел он,
Со стоянки своей в путь далече пошел он,

А назавтра, бредя той же самой тропой,
Он опять тот же камень узрел пред собою.

Видит — к надписи, сделанной им лишь вчера,
Вновь приписан вопрос тем же бегом пера:

"Если этот влюбленный, бедою убитый,
Непорочен, но страсть свою держит сокрытой,

Если страсть и любовь пламенеют в нем силой,
Если в страсти своей он терпением хилый,

Но жива в нем мечта единенья,— как быть?
Коль не сыщет себе избавленья,— как быть?"

Асмаи удивлен был столь гибельной речью
И перо свое вмиг наострил к красноречью.

Он писал: "О горящий любовным обетом!
Я тебе уж давал наставленья об этом.

Если слушать совет тебе страсть не дает,

В жаре страсти умри, вот и делу исход!"

Злой ответ написав, бессердечный советчик
Прочь решил поспешить от злокозненных речек.

Целый день он скитался далеко оттуда,
А наутро пригнал туда снова верблюда, —

Дай, мол, я от страдальца ответ посмотрю,
Написал мне несчастный иль нет, — посмотрю!

Видит — близ родника распростерся несчастный,
Бездыханный от пыток любви своей страстной.

Недвижим, он распластан, и немощен телом,
И следа нет румянца в лице помертвелом.

Разрывается сердце от вида его,
Знать, сгубили и страсть, и обида его!

Видно, так о тот камень ударился лбом он,
Что и лоб был разбит, да и камень проломан!

Вся вода в роднике перемешана с кровью,
Рухнул ниц он к воде — к своему изголовью.

Вот какой был написан страдальцу наказ:
Лишь прочел он слова — и погиб в тот же час!

Он сберег свою душу от тягот разлуки
И от страсти простерся в погибельной муке.

Как узрел Асмаи тяжкий рок сей юдоли,
Сто шипов в его сердце вонзилось от боли.

И одежды порвал он, и сбросил чалму,
Горевал по жестокому злу своему.

Не случилось с ним более тяжкого горя,
Горько-горько рыдал он, стенаньями вторя.

И печаль ему сердце на части разбила,
И его погребла под землю могила.

Словно в битве за веру, сразил его рок
И в кровавый халат, будто в саван, облек.

О Фани⁶, вот таков путь любви отрешенный, —
Если жить невтерпеж, то умри примиренный.

Эту смерть, что ниспослана промыслом бога,
Оплатить и миллионами жизней — не много!

ДОЛИНА ПОЗНАНИЯ

Знай: затем ты вступаешь в долину Познания,
Погляди, сколь бескрайни ее расстоянья!

Кто желал испытать той долины обычай,
Повидал там немало чудес и отличий.

Сто миллионов в том доле различных дорог, —
Им от века неведом единый исток.

Там повсюду в великом и малом — различье,
Там и высям дано и провалам различье.

Сто миллионов там путников в доле убогой
По пустыням бредут всяк своею дорогой.

Каждый путник своею дорогою горд,
Каждый странник в пути облюбованном тверд.

Одному любо то, а иным любо это, -
Всем другим безразлична чужая примета.

Дан и мухе там путь и слоновьей породе,
Джебраил вместе с мухой парят в небосводе.

Там бредет и Муса⁷, и бредет Фараон,
Хоть несхожими были они испокон.

Там Махди⁸ и Даджалу⁹ стезя уравнился,
Хоть Мессии с ослом и нельзя уравнился!

В той долине Бу Джахл¹⁰ бродит вместе с Ахмадом -
Мрак кромешный с невиданным светочем рядом!

Быть порочному с добрым — закон той страны,

⁶ Фани - тахаллус Навои, означающий "бранный"

⁷ Муса - библ. Моисей.

⁸ Махди - мессия.

⁹ Даджал - соответствует христианскому антихристу.

¹⁰ Бу Джахл - "князь тьмы", дьявол.

Правоверный и праведный с подлым равны!

Нечестивцы чтут идолов — всех понемногу,
Мусульмане верны там единому богу,

Нечестивцы своим властелином клянутся,
Правоверные — богом единым клянутся.

Этот дол не бывает различий лишен,
И различия эти в том доле — закон!

Так от века назначил пророк, нас ведущий:
Если люди идут к свету истины сущей,

И захочешь узнать, скольким быть там дорогам,
Знай: по людям число это — в равенстве строгом.

Как осадок и жидкость различны на цвет,
Так и в людях во всем совпадения нет.

Здесь властительный шах и бродяга убогий —
Каждый путь совершает своею дорогой.

Коль нутро человечесь — вместилище розни,
Справедливостью в нем одолеть нужно козни.

Потому и удел разный путникам дан:
Этим — благодать михраба, другим — истукан.

И явило свой разум любое создание, —
Много разных отличий послало познание.

Всяк на собственный лад к совершенству стремится,
Все хотят через эту долину пробиться.

И хотя в их дорогах различия есть,
Цель одна у любого обычая есть.

Но — пряма ли, извилиста эта дорога,
Далеко ли идти по ней или немного, —

Кто погиб на ней, кто запропал на дороге,
Кто меж путаных троп заплутал на дороге,

Нет таких, кто бы всех не прошел там дорог,
Нет таких, кто до цели дойти бы не смог!

Если солнце познания — в небесном пределе,
Каждый, кто обратится к взыскуемой цели,

Путь свой прямо направить к удачам желает,
Свое золото сделать ходячим желает.

Если блещет сияньем сверкающий свет,
Для любого откроется благостный след!

Все, кто муки терпел, получали награду:
На стезе их случалось встречаться и кладу.

На стезе постиженья любое бывало, —
Много горя лихого, а доброго мало!

В чьих поступках всегда непорочность строга,
Тот законам пророка надежный слуга.

Притча

Вот, послушай-ка эту достойную повесть.
Говорят, в Индустан, в дальний путь приготовясь,

Раз попали слепцы и брели средь раздолий, —
То ль гостями, то ль связаны пленной неволей.

А потом им судьбою негаданной тут
Были посланы кров, и жилье, и приют.

Кто-то раз их задумал спросить не в обиду, —
Мол, слона вы видали, каков он по виду?

А слона-то, конечно, видать не пришлось им,
И проведать о нем тоже, знать, не пришлось им.

Каждый — кто как сумел — его тронул рукой,
И от этого только и знали — какой.

Ноги трогавший вымолвил: "Будто бы бревна".
Брюхо гладивший молвил: "Гора, безусловно!"

А один, только хобот и тронув, воскликнул:
"Узнаю я породу драконов", — воскликнул.

Тот, что трогал клыки, сообщил невпопад:
"У него лишь две кости, они и торчат!"

А потрогавший хвост — что, мол, это за штука? —
Крикнул: "Это змея, не иначе — гадюка!"

И поведал другой — тот, что голову щупал:
"Вроде как бы скала, а вершина, что купол!"

Ну а тот, что к ушам прикоснулся, сказал:
"Нету здесь ничего, кроме двух опахал!"

Все те речи внушала одна слепота им,
И хотя каждый возглас был правдой питаем,

В их речениях было погрешностей много
И различий в сужденьях о внешности — много.

А индус, что спросил их, был саном высок,
Был слонов и слоновьих повадок знаток,

Он спокойно внимал их речам небывалым,
Все рассказы прослушав, совсем не мешал им.

"Что ж, — промолвил он, — каждый ведь прав в своем роде,
Все сказали они о слоновьей породе.

И хотя говорили они невпопад,
Даже спорили, — кто же из них виноват?

Каждый молвил, что внятно его разуменью,
А увидеть слона — недоступно их зренью.

А собрать эти свойства — и слон будет целым,
И познания их будут стоящим делом!"

Все для зрячего было понятно сполна,
И признал он, что суть их речений верна.

ДОЛИНА БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Дальше — степь Безразличия ляжет долиной,
У высоких и низких там жребий — единый.

Каждый миг ураган безразличия лютый
Заметает просторы столикою смутой.

А из туч безразличия ливень падет —
Сто миллионов миров гибнут в глуби тех вод.

Семь морей там и капле единой покорны,
Семь небес — словно мака иссохшие зерна.

Семь кругов преисподней там — вроде искринки,
Восемь райских садов там подобны росинке.

Стадо львов там в добычу дано муравьям,
Даже мухе слоны покоряются там.

Шах могучий, семи государств повелитель,
Там по чести не больше, чем нищий проситель.

Там в ста тысячах орд каждый воин с кинжалом,
Как ворсинка, предстанет ничтожным и малым.

И дракон, небеса опаляющий, там
Не страшнее, чем нить в вышиваньях Марьям.

Сонмы ангелов гибли там гибелью злостной,
Но пред ними Адам воссиял венценосный.

Дух ста тысяч созданий был гибелью кроем,
Но, как кормчим, он к жизни был вызволен Ноем.

Сотни тысяч Намрудов¹¹ там гибли от мух,
Но Халилов¹² огонь там расцвел и не тух!

Крови тысяч младенцев, безвинно пролитой,
Моисей-венценосец стал верной защитой.

Правоверных зуннаром¹³ неверье губило,
Но дыханье Мессии им жизнь возвратило.

Старый, злобный сей мир в реках крови истек,
Но явился Мухаммед в предвечный чертог,

Быль и небыль здесь между собою сравнились,
Правоверный с неверным судьбою сравнились.

Сотни лет лил Заххак¹⁴ кровь людей невиновных,
Но Мессия влил жизнь в сонмы трупов бескровных.

Бахтуннаср¹⁵ совершал здесь деяния зла,

¹¹ Намруд - мифический царь, погубленный мухами.

¹² Халил - пророк Ибрагим, которого Намруд хотел казнить и бросил в огонь - но пламя превратилось в цветник.

¹³ Зуннар - пояс, который в мусульманских странах носили неправоверные (зороастрийцы и христиане).

¹⁴ Заххак - мифический иранский правитель, слуга дьявола.

Доброта — Нуширвану¹⁶ любезна была.

Но обоим дано здесь единою мерой, —
Вникни в суть отречения и в смысл его веруй!

Здесь и сто тысяч солнц смерть навеки остудит,
А в просторах небес лишь частица убудет!

А впитаются в землю сто тысяч морей, —
Это — капля, о друг, — вот ты что разумей!

А сто тысяч красавиц сгорят до предела, —
Знай, то жалкое крылышко мухи сгорело!

Рухнут девять небес¹⁷ в вихре рева и гула, —
Это только былинку дыханьем взметнуло!

Сотни гор, равных Кафу, исчезнут с земли, —
Это ветры песчинку одну лишь смели!

Райский сад, что погибели предан мертвящей,
Здесь всего только листик, оброненный чащей!

Там равны правоверный и грешник негожий,
А притон нечестивцев — с обителью божьей.

Там Кааба и капище — ровня-родня, —
Стройный град и пожарище злого огня!

Там не больше младенца слон тысячелетний,
Небосвод там — крупинки зерна незаметней.

Там неверье и вера равны меж собою,
Там взыскующий встретится с трудной судьбою!

Притча

Два любителя шахмат¹⁸, умением редки,
Положив меж собой черно-белые клетки,

Сели чинно напротив, занявшись игрою
И фигуры расставив по крупному строю.

¹⁵ Бахтуннаср - Навуходоносор.

¹⁶ Нуширван - сасанидский царь, образ справедливого властителя.

¹⁷ Девять небес - в средневековой астрономии - девять вращающихся небесных сфер (семь из них соответствовали семи известным планетам), расположенных одна в другой; над вращающимися сферами располагалось неподвижное небо.

¹⁸ "Крупный строй" шахмат - так называемые "большие шахматы" (игра на столеточной доске), отличающиеся от современных большим количеством фигур (помимо ферзя, пешек, короля (шаха) и др., наличествовали "медведи", "жирафы", "везир" и т.п.).

С двух сторон падишахи явились стоять,
И у каждого войско — как шахская рать.

И при каждом — везир, что идет полосую,
А еще — по ферзю, что с походкой косою.

Был один из двоих — румской¹⁹ рати властитель,
А противник его — черных войск повелитель.

Рать и шахов поставили два игрока
И построили чинным порядком войска.

Игроки в бой пустили коней своих рьяно,
И, как бой, завязалась игра у них рьяно.

Строй содеяли, крепость с оградой и тылом,
Чтобы было где спрятаться сломленным силам,

А в строю боевом — и жирафы, и слон,
И медведи, и башни — напор и заслон.

Впереди — войско пешее сомкнутым рядом,
Изготовлено к натискам или осадам.

И соперники бой повели по законам,
Много игр разыграли они кон за коном.

Лишь один в наступленье войска поведет,
Как другой замышляет коварный обход.

И чудес в том сражении было в достатке,
Без числа там являлись задачи-загадки.

Храбрецы-предводители бились немало,
То отвагой, то хитростью силясь немало.

Долго длилась та битва, трудна и тяжка, —
Оба шаха водили в сраженье войска.

Много времени битва кипела — поболе,
Чем сраженье двух шахов на воинском поле.

В грозных битвах сходились там рати-отряды,
Бой открытый сменялся борьбой из засады.

¹⁹ Рум - Византия.

Крылья войска и справа и слева дрались,
И ударным отрядам случалось сойтись.

С каждым ратником сын — и защитой и стражей,
Чтобы первым принять на себя натиск вражий.

И, пройдя до конца поле брани военной,
Он отцу своему становился заменой.

А один пехотинец пошел там в обход,
Дескать, будет помощником мне небосвод —

Дай-ка я стороной вражий клин одолею
И все войско врага я один одолею!

И вот эту-то брань да такого размаха,
Где сражались два неприятеля-шаха,

Где у каждого — стомиллионная рать,
Где шел бой, что красивей его не сыскать,

Где в делах и порядок и лад небывалый,
Где войска — красоты да и силы немалой,

Где так много враги приложили стараний
Для устройства засад, нападений и браней, —

Эту битву — один ее край иль другой,
Рано ль, поздно — а с поля сметают рукой!

Поглядишь — и ни строя, ни клина не стало,
Ничего — ни порядка, ни чина не стало!

Сколько было свершений и дел знаменитых,
Сколько битв прогремело — в боях и защитах, —

Все пропало, что делали два мудреца, —
Все их мысли, чьей мудрости нет и конца,

И от них не осталось ни слуха, ни духа!
Так больная столетним недугом старуха

Хлам в тряпицу завяжет, невиданный сроду,
И не знаешь — в огонь ли кидать или в воду!

Вот и здесь приключился такой поворот,
Что и мудрый умелец не сразу поймет.

Всех в мешок побросали с единого маха,
Так что пешки легли там поверх падишаха!

Это тоже - основ безразличья примета,
Даже самый надежный пример для ответа.

Вникни в это вот дело и вдумчивым будь,
Сотни тысяч таких - безразличия суть.

Если ж понял ты смысл, утвердись в этой вере,
Все дела по такому образчику меряй!

ДОЛИНА ЕДИНЕНИЯ

Дальше - дол Единения, - ведай об этом,
Суть его - отречение, - ведай об этом.

Как пройдешь до предела ты этой долиной,
Ты пребудешь один вместе с сутью единой.

Как минует и эта долина сполна,
Там сто тысяч несчитанных птиц - как одна.

Цель желаний для всех - единение будет,
И об этом и песнь их и пение будет.

А придет их влечение к этим началам,
И пребудет в единстве великое с малым.

Там в едином единому нет и числа, -
Вся премудрость бы этому внять не смогла.

А когда утвердишься ты в этом устое,
Все, что чуждо единому, будет пустое.

Будь един, говори, помышляй — о едином, —
Не стремись пробавляться там двойственным чином!

Там двоякая суть — уклоненье с пути,
И тайник единения с ней — не найти!

Притча

Шейх Мансур²⁰, хоть и праведен был в единенье,

²⁰ Мансур - знаменитый суфий-пантеист, казненный в Багдаде адептами ортодоксального ислама. Широко известна его формула "Ана-

"Я есмь истина божья", — любил он реченье.

Люди веры ему наставленья давали,
Дескать, богу такое угодно едва ли.

Многим праведным стало известно о том,
И они втолковать ему тщились добром,

Мол, от сих притязаний ты делом избавься,
И от висельной петли ты телом избавься.

Но оплел его хмель в одеянье такое,
Что от этой припевки не знал он покоя.

И однажды он диво узрел сквозь дрему,
И всечасно видение было ему.

Будто божий посланник предстал перед взором
И Бурака²¹ погнал к поднебесным просторам.

И от перлов единства корона сияла,
И пред ним единения лоно сияло.

Он в двух луках пред горним порогом предстал,
Перед вечно единым — пред богом предстал.

И от господы он удостоен был зовом:
"Что ты хочешь, достойный, ответствуй мне словом".

Милосердья у бога, прощенья просил он,
И заблудшим простить прегрешенья просил он:

"Ты в щедротах всемогущ, ты — милостей знак,
Твоя милость бескрайна, твой промысел благ.

Обратить к тебе этот мой зов дерзновенный
Сам ты мне повелел в доброты несравненной.

Если вины заблудших простить пред тобою
Повелитель арабов взывает с мольбою,

Всех, от века прошедших неправедный путь,
Пощади и к заблудшим все милостив будь!

ль-хакк!" ("Я есть Бог!"), выражающая идею растворенности творца в творении.

²¹ Бурак - крылатый конь, на котором пророк Мухаммед молниеносно перелетел из Аравии в Иерусалим. Там, оставив Бурака на земле, пророк совершил мирадж - вознесение на небо, где престал перед Аллахом.

Снизойди к их грехам-прегрешеньям, помилуй,
И провинности их всепрощеньем помилуй!"

"Почему же сей кладезь добра и обета
Говорил пред создателем только про это?" —

Этой мыслью пронзилась его голова,
Миг за мигом твердил он лишь эти слова.

Этим помыслом сломлен совсем, он томился,
И от немощи жалок и нем, он томился.

Вдруг посланник господень предстал его взорам
И развеял сомненья таким разговором:

"К-эй, в приюте гордыни ты крепко засел,
"Я есмь истина" — всех твоих знаний предел.

Невдомек тебе, видно, что горним высотам,
Где я побыл в тот час, вознесенный полетом,

Чуждо "я", и понятия такого там нету,
Даже в речи подобного слова там нету!

Ниспославший был он, указующий — он,
И взыскующий — он, и дарующий — он!

Неразумностью ты столь пустой прегрешаешь,
И в таких-то делах слепотой прегрешаешь!

Ты в долине Единства, где дол Единенья,
Где цветник небывалый расцвел единенья, -

"Я" и "ты" помышляешь в различии зреть,
Этих суетей вовек там не знали, - заметь.

Там рекущий - лишь он, он - являющий блага,
Он - дающий и он же собирающий блага!

Даже признака "я" нет в том светлом приюте,
И не ведает речь его двойственном сути.

"Я" и "ты" тщится там средь различий найти
И двоякий напев среди кличей найти -

Преисполнены зла и вреда эти мысли.
Изыми из души навсегда эти мысли!"

ДОЛИНА СМЯТЕНИЯ

Одолеешь долину Единства - и скоро
Дол Смятения станет открытым для взора.

Сонм идущих мечи там минуют, не тронув, -
Но - сто тысяч несчастий там, тысячи стонов.

Речь и слово немеют в смятении там,
Мысль и разум безгласны не менее там.

Ночь и день там едины: их видишь воочью,
А не знаешь различий меж светом и ночью.

Быль и небыль неведомы там разуменью,
И грядущее там недоступно прозренью.

Сколько там ни смотри - взор смятеньем объят,
И в смятении - вечным смущеньем объят.

Если ступит туда муж разумного склада —
И ему недоступна в смятенье пощада.

Все, что познано средь единения было
И в долине Единства в прозрении было, —

Здесь всему истребленье и гибель грозят,
Да и сам познающий не знает пощад.

Если спросят: "Ты сущ или в вечном покое?" —
Ни один и никто — ни единый, ни двое, —

Не сумеют и слова найти для ответа, —
Им неведома были и небыли мета.

Где середина, где край, где наружный предел,
Где конца и начала и грань, и раздел, —

Там никто не узнает подобных различий, —
Вихрь смятения рушит привычный обычай.

Там меж тленным и вечным нет разницы вовсе,
Там хмельной и поящий не разнятся вовсе.

Жив ли, мертв он — там знать никому не дано,

Знать свое естество там уму не дано.

Каждый там без предела смятение видит
И себя то и дело в смятении видит.

Там любой говорит: "Страсть любви мне невнятна,
И к кому быть той страсти — уму непонятно".

Там увидишь круженье пылинок на свет —
И смятением объят — есть они иль их нет.

Тот предел от примет не отделишь чудесных,
Бесконечны там тысячи зрелищ чудесных.

Притча

Жил властитель — владыка всесветной округи,
Сто владык его трон окружали как слуги.

Власть его простиралась от грани до грани,
И от грани до грани страна — в его длани.

Жемчуг ценный таил он — прекрасную дочь, —
От красы ее гуриям было невмочь.

В цветнике красоты она — тополь прелестный,
Да не тополь, а сам кипарис расчудесный!

В почивальне души она — светоч горящий,
Да не светоч, светило в короне слепящей!

А глаза ее — словно бы око беды, —
Взор веков не видал столь жестокой беды.

Благовонные кудри и родинки — смута,
Да такая, что губит жестоко и люто!

А дыханье и губы, что ярче рубина, —
Словно солнце с Мессией слились воедино.

Все владыки стремились к свиданию с ней,
Даже шахи, которых не сыщешь сильней.

Но не выпало счастье познать им ту милость,
Чтобы сердце свиданием с ней взвеселилось.

Ей не мнилось связать себя дружбой-союзом,

С двух сторон путь закрыт был стремлению к узам.

Если дан от времен одинокий удел,
Кто же друга себе отыскать бы сумел?

Дни текли, и томиться ей втуне пришлось,
Подступиться к торгам никому не пришлось.

Как-то в ночь ей красавец явился в виденье,
Да такой, что не стало ни сил, ни терпенья.

Стать его — словно дух воплощенный чиста,
Словно солнце в зените — его красота.

Прочерк муксусным пухом на ярких ланитах,
Словно точки в письме — зерна родинок слитых.

Кипарису подобен он трепетным станом,
А краса его впору лишь розам румяным.

С тем светилом сама она — дева-луна —
Возлегает на ложе, истомой полна.

Каждый миг опьяняет их счастье свиданья,
И друг друга томят они страстью свиданья.

И от сна розоликая очи открыла,
И исчезли из сердца и твердость, и сила.

И росла миг за мигом любовь в ней с тех пор,
И грозил ей уже посрамленья позор.

И всечасно она сон тот видеть желала,
Но в очах ее сна будто вовсе не стало.

Ни на миг она в сердце не знала покоя,
И ни ночью, ни днем ей не стало покоя.

Как-то раз она, в муках всечасного зла,
На дворцовую башню в смятенье взошла.

Ей хотелось окрест посмотреть в утешенье,
Чтобы в сердце ее укрепилось терпенье.

Вдруг узрела она с дымно-огненным стоном
Шахский пир, что властитель давал приближенным.

Видит — юноша там, что в виденьи с ней был,
И вскричала она, и лишилася сил.

В шахской свите был юноша тот несравненный —
Как смутительный день среди века вселенной.

И взглянул он на башню, и гибельным стрелам —
Стрелам страсти душа его стала прицелом.

И сразил его душу тех стрел ураган,
И оставил на теле он борозды ран,

И в державе души его смута вздымалась,
И для жизни угрозою люто вздымалась.

Мощь ушла от него, ум ему стал неведом,
Да и сам он за ними отправился следом.

И, до вечера в горе и муках дожив,
Он лежал обессилен — ни мертв и ни жив.

Полог ночи упал, землю мраком затронув,
И взвились из-за полога тысячи стонов.

До зари его стоны жестоко терзали,
Струи слез, как лавина потока, терзали.

А едва птица утра успела вспорхнуть,
Стал камнями — до ночи — он бить себя в грудь,

Две души поразила истома любовью,
Две страны не спаслись от разгрома любовью.

Дивный юноша, хоть и остался без сил он,
Но неправдой и правдой себя охранил он.

А краса лунолика в горе была,
От любви и в печали и в хвори была.

Видит — сила и воля покинули руки,
И грозят ей позором любовные муки.

И когда без числа приключилось ей бедствий,
Видит — надо подумать о действенном средстве.

Тайна стала не в тайну, и дева рекла:
"Невозможно, чтоб не было средства от зла!"

Две подруги у ней были, в дружбе примерны,
И в печали, и в счастье надежны и верны.

Обе в хитростях ловкой ухваткой известны,
В чУдодействе веселой повадкой известны.

Так они наловчились в обмане лихом,
Что и муху сосватать могли со слоном.

Ведь не ведает муха, что кажется малой,
Слон не знает своей толщины небывалой.

Были ведомы козни обеим плутовкам,
Как с любовью тягаться в обмане преловком.

Та умела напевы извлечь из-под струн
Эта пела, как ловкий в повадке певун.

Их согласный напев по такому манеру
Мог к себе приманить даже с неба Венеру.

Та могла звуком саза взять душу умело,
Эта — пеньем могла возратить ее в тело.

Заиграют, бывало, застонут вдвоем —
Тут и муж разуменья простится с умом.

Страсть томила ту деву с неведомой силой,
И она тех плутовок к себе пригласила.

И сказала она, и рыдая и плача,
Что в любви приключилась ей незадача, —

Как сначала во сне к ней томленье пришло,
А потом наяву помраченье пришло.

Как в томленье по юноше хилою стала,
Как рыданье грозить ей могилою стало.

И сказала она: "Вы дружны и согласны, —
Так не будьте к печали моей безучастны.

Мое горе ведь сплетнею злой может стать,
От огня мое тело золой может стать.

От огня моего мне неволи не будет,

И от смерти самой даже боли не будет, —

Нестерпимо мое посрамленье от сплетен,
Был ведь раньше мой нрав благочестьем приметен.

Скорбь о чести отца меня сводит с ума,
Даже молвить об этом — я речью нема.

Он ведь — шах, по величью — под стать небосводам,
Это будет позором ему и изводом.

Сто подобных мне сгибнет — вовек не заметят,
Ведь былинку в бурлении рек не заметят.

Шаха так осрамить — нету силы во мне,
Я от этого горя страдаю вдвойне!

Знайте: все я сказала, моля о защите,
Погубите меня или средство сыщите.

Непокорной была я, а стала смиренной,
Я ослабла, а был во мне нрав дерзновенный.

Над моей неудачею сжальтесь, молю,
И рыдаю и плачу я, — сжальтесь, молю".

Как дошли до подруг эти крики и зовы,
Говорят они: "Жизнь положить мы готовы.

Мы найдем тебе средство, чтоб юноша гожий
Стал в любви тебе верной опорой-надежей.

Ни один человек не узнает о том,
Даже сам он вовек не узнает о том.

День-другой потерпи, распростишься с суматохой,
Не рыдай ежечасно, не ной и не охай!

Ты сокрыть это дело покоишь стремленье,
Ну и нами владеет такое ж стремленье".

И явилась надежда на счастье, и впредь
Лунолика слово дала потерпеть.

И плутовкам задуматься время настало,
И досталось хлопот и забот им немало.

Их обман и коварство и льстивая речь,
Как добычу, беднягу сумели завлечь.

Словно мать и сестра, подольститься сумели
И сказали: "Тебе мы поможем в том деле.

И хоть ты о своем не поведал нам горе,
Мы-то знаем, откуда взялись эти хвори.

Пыл любви твое сердце жестоко потряс,
Вся надежда на счастье тебе — лишь от нас".

И несчастный надеждой большою проникся,
И доверьем к тем сводням душою проникся.

Что ни скажут те двое — добром ли, приказом —
Он с готовностью им подчиняется разом.

На обманных торгах караваны легки, —
Завлекли они дивную птицу в силки.

Как сказали: "В наш дом, мол, пойдем, — недалече",
Вмиг несчастный за ними пошел, не переча.

Шахский пир был там задан — не сделаешь краше,
Пленник страсти отведал вина там из чаши.

Как пошло там питье — за бокалом бокал,
Каждый притчи да выдумки сказывать стал, —

Об огне и о дыме любовных терзаний,
О вреде и о пользе разлук и свиданий.

Разных тайн и историй, что каждая знала,
Рассказали ему две подруги немало.

В их речах пил тот молодец влагу надежд, —
Безнадежный, вкушал он отвагу надежд.

От вина и от сказок лишившийся воли,
Стал тот юноша страстью томимым все боле.

И уста ему враз немотою сковало, —
Что ни миг, он слабел, поникая устало.

И тогда и для песни настал свой черед,
Что и разум отнимет и разом проймет.

И несчастный совсем помрачился с похмелья,
Будто выпил он разум губящее зелье.

Словно темная ночь, стал несчастный безгласен,
И совсем стал подвластен рассказчицам басен.

И они дали делу лихой оборот,
И мгновенно носилки наладили в ход.

Будто в люльку его положили, и ловко
На бегу им в пути помогала сноровка.

Принесли — той луне в торжество и в блаженство,
Кипарису и розе устроив блаженство.

Все готово к веселью там было сполна,
Сладкоустая дева ждала их одна.

И туда две подруги повадкой умелой
На носилках внесли кипарис сребротелый.

К луноликой на ложе взложили, как надо, —
Словно к солнцу луну привели для пригляда.

И восторг луноликой от радости рос,
Словно лик ее спрыснут был влагою роз.

Бездыханный вздохнул, благовонье вбирая,
И, очнувшись, узрел он подобие рая.

И узрел он ту пери, что с гурией схожа, —
Ту, что жгла его сердце, печалью тревожа.

Он рванулся и сел и, испуган, смотрел,
С сотней тысяч смятений вокруг он смотрел.

Глядь — под ним преогромное шахское ложе.
Рядом — шахская дочь, красотой пригожа.

"О творец, — он сказал, — что за редкостный случай, —
Это сон или явь или призрак летучий?"

Но смягчила та дева терзанья ему
И явила всю негу свиданья ему.

"То не сон! Похвалы вознеси, безрассудный,

Пей же влагу из чаши свидания чудной!"

И вкусила та пери вина из бокала,
И его розоцветным вином угощала.

Дева-кравчий, сокрывши смущенье свое,
Много раз подносила безумцу питье.

И вино пало в пламень смущенья водою,
И уж речь без смущенья пошла чередою.

И влюбленный и дева и томно, и страстно
Тут в обитель услад удалились согласно.

И такое единство настало тогда,
Что от двойственной сути не стало следа.

Все восторги, что знает желанье земное,
Обрели друг от друга единые двое.

И закон единенья их дерзостью правил, —
Говорить о том — свыше приличий и правил!

Дева с юношей, страстью объятые, там
В упоенье слилися — устами к устам.

И найти для таких вот лобзаний сравненье —
Это было б пределом всех граней сравненья!

До утра они тешились негой усладной,
И обоим был сладок восторг безоглядный.

Тайны ночи раскрыл блеск рассвета, багров,
И на мускус земной лег камфарный покров.

Пировавших вино в плен отдало весельям,
Им совсем помутило сознание похмельем.

Тут и эти плутовки проникли за полог,
И неслося их пенье из щелей и щелок.

И набегом разграбили разум сполна,
И споили того молодца допьяна.

И свалился без чувств он, ослабший и хилый,
И рассудок расстался в нем с трезвою силой.

И подруги-плутовки, свершив это дело,
На носилки взвалили безгласное тело.

И домой его тут же снесли поскорей —
Сокрушенного скорбью — в обитель скорбей.

Свежесть утра вернула несчастному разум,
И от пьяного сна пробудился он разом.

И очнулся, подумал, несчастный, припомнил, —
Происшедшее памятью ясной припомнил.

Застонал он, и дым извергал он, скорбя,
И камнями жестоко избил он себя.

Сам себя истерзал он в стыде непритворном,
И весь мир его взору представился черным.

Слезы звездами пали в потемках стенаний,
И взметнулася смута от громких стенаний.

Вспоминать о блаженстве свиданья он стал,
Как безумный, рыдать сквозь стенанья он стал.

Он вскричал: "О творец! Как спасенье найду я?
И кому же поведаю эту беду я?"

А молчать — разве силы и воли мне хватит?
И таиться — терпенья доколе мне хватит?

Утаить ли беду мою или открыть,
Слово молвить, смолчать ли — не знаю, как быть.

А начну говорить — речь вести мне доколе? —
Не смогу рассказать я и тысячной доли!

Поклянусь затаиться — и слово нарушу:
Не под силу мне будет сдержать мою душу".

И исторг он в смятенье немало словес, —
Духа в теле не стало, и разум исчез.

Каждый миг ему смерть посылала смятенье, —
Было видевшим это немало смятенья.

Все хотели узнать, в чем сих бедствий основа,
Но в ответ от него — о причине ни слова.

"Все ведь ясно и так, не пытайте меня,
Я сгораю, не надо мне больше огня!

Мук моих никаким не опишешь рассказам,
Их бессилён понять человеческий разум,

О создатель! Со мной ли случилось то счастье?
Мне ли было в блаженство и в милость то счастье?

Ну а если б я волю дал праздным словам,
Кто ж поверит таким несуразным словам?

Вся душа от смятенья сторела, — как быть мне?
И пылает в развалинах тело, — как быть мне?

В единенье свидания счастьем томимый,
Знал восторг я и радость слиянья с любимой,

А потом — скорбь разлуки, печаль, забытьё —
Вот смятенье и трижды смятенье мое!

Нет границ изумленью пред этим, о боже, —
Никому не пошли в наказание того же!"

ДОЛИНА ОТРЕШЕНИЯ

Как минуешь сей дол, — всех путей завершенье
Ждет тебя лишь в равнине степей Отрешенья.

Там — одно лишь безмолвье над гладью пустою,
Там рассудок и глух и объят немотою.

Как потоп разверзает там море без дна —
Сто миллионов миров в нем потонут сполна.

Там морской ураган море пенит на кручах,
Взмыв миллионы и тысячи волн премогучих.

Миг за мигом там гибнут те волны, и снова
Разом в тысяче красок нахлынут сурово.

А посмотришь — и волны теряют там след, —
Только море вокруг — и иного там нет.

Вечной сути дано там быть морем бескрайным,

И бурление волн взмыто промыслом тайным.

Явь и суть восемнадцати тысяч вселенных —
Все, что познано мыслью мужей просвещенных, -

Все, что только явило свой облик и вид,
Все, чему в мире сущего образ открыт,

Все, что лику земли в ста диковинах сущи,
В ста миллионах цветов предиковинных сущи, —

Знай: все это — лишь море, источник всех суетей,
Это — сад или степь без путей и распутий.

Там сто тысяч прекрасных тюльпанов и роз
Соловьям и скворцам — пуще смертных угроз.

Лишь помысли, какие там страны и грады,
Океаны и реки, и горные гряды!

Там круженье огня и ветров-ураганов, —
Все, что хочешь, найдешь там, едва только глянув.

Там вращенью небес и скончания нет,
Сонмы ангелов там, сонмы звезд и планет.

Сонмам ангелов там — ни предела, ни счета,
Ни числа, что б границы имело, ни счета!

Там и малой звезде, даже самой ничтожной,
По величью с землею сравниться возможно.

Семь небес, шесть сторон и четыре основы —
Суть вселенной — там редким величьем суровы.

Но превыше всего человек там бывает, —
Изумлен перед ним мыслей бег там бывает.

Ты помысли об этом, и станет понятным:
Человек там — в простом естестве или в знатном, —

И султаны, что мощью великой сильны,
И хаканы, что волей державной знатны,

Мудрецы и радетели веры законной,
И разбросанный люд, и в единстве сплоченный,

И святой, над людьми совершенством известный,
И пророк-провозвестник, главенством известный, —

В море сути господней, как волны, равны,
Да и сущи они там не дольше волны!

И у всех там единый удел — преходящий, —
Все там бренны, им вечности нет настоящей.

Море вспенится волнами мигу в причуду —
И кипение судеб являет повсюду.

А смирится бурлящая в волнах вода —
И от бега тех волн не осталось следа!

Если мудрость присуща уму человека,
Он познал, что вовек и навеки от века

Все, что можно помыслить на свете живущим —
Быль и небыль, — лишь так воплощается в сущем.

Все — лишь бог, и сильней не бывало начал,
Все там бренно, бог вечен — начало начал.

Все в явлениях сущее — в воле господней,
Дали, в вечность грядущие, — в воле господней.

Кроме господа, все, что по сути — иное,
Хоть стократ напоить его влагой живою, —

В отрешенности бренно, и нет перемен, —
Даже вечность — и та превращается в тлен.

Притча

Шейх Аббас, сын мясницкий в судьбе своей бренной,
Был вершиной времен, высотой — несравненный.

Он в степи отрешения шел год за годом,
Плоть свою изнуря смертельным изводом.

Как-то был в ханаке он, и присные с ним, —
Были все на местах перед шейхом своим.

В это время какой-то развязный детина
В ханаке оказался, вошедши без чина.

Он вошел — и к минбару²² походкой лихою,
И сказал: "Эй, народ, что пригрет ханакою!

Хорошенько проникните в смысл моих слов,
Принесите кувшин мне — с водой до краев.

Мне свершить омовенье надумалось что-то,
А потом и очиститься будет охота!"

Шейх достойный, услышав ту речь, молвил свите:
"Что ж, возьмите кувшин и воды принесите!"

И дервиш взял из лучших сосудов один,
И, наполнив водой, тут же подал кувшин.

А невежда посуду разбил дорогую
И сказал: "Принеси поскорее другую!"

И ему тут же дали другую посуду,
И опять он разбил дорогую посуду.

"Хорошо, — шейх промолвил, узрев эту прыть, —
Приносите, пока не устанет он бить!"

И камнями разбил он кувшинов немало,
Драгоценных осколков раскинув немало.

И взмолились тут люди из шейховой свиты:
"Все сосуды тобою уже перебиты!"

В ханаке не осталось посуды иной,
Мы не можем тебе принести ни одной!"

"Если нету кувшинов, — ответил он свите, —
То тогда вот что вашему шейху скажите:

Пусть он бороду даст мне свою, да живет,
И от тягот недуга спастись я сумею!"

Шейх, услышавши этот бесстыжий наказ,
Встрепенулся и к спорившим вышел тотчас.

"Молодец! Вот похвальное слово не в шутку!
Впрямь, зачем борода мясникову ублюдку?

Только ветер и треплет ее обалдело,

²² Минбар - кафедра проповедника в мечети.

А теперь она хоть пригодится для дела!

Вот ее для себя заприметил дервиш,
И в нужде она будет полезна, глядишь!"

А у шейха была борода седовласа,
И ее оторвал он да чуть не до мяса.

И под ноги тому греховоднику кинул,
На поживу безумцу-негоднику кинул.

И, узрев отрешенья подобного знак,
Тот, от вздорных речей отступившись, обмяк.

И простерся во прахе у шейховых ног он,
И, ничком пав на землю, совсем изнемог он.

Видя все это, праведный муж отрешенья
Своелюбьем не тешился ни на мгновенье.

Сделать низкого праведным впредь он сумел,
Переделать на золото медь он сумел.

Кто не вышел из пут суеты пестроцветной,
Для того плод подобных деяний — запретный.

О Фани, испроси отрешенья у бога,
В отрешенье тебе будет в вечность дорога!

О ходже Бахауддине Накшбанди²³, горевшем в истинном отрешении

Был ходжа Накшбанди, муж благой и пригожий,
Шахом истинной веры и благодати божьей.

Основав в том пределе престол свой по праву,
В землях небытия он устроил державу.

Он свое естество — светлых истин предел —
В чем угодно на свете провидеть умел.

Прозревал он себя в своем мысленном взоре
В кипарисе и в розе, в колючке и в соре.

Как-то взором он встретился с мертвой собакой,
Жалок был ее вид и без благодати всякой.

²³ Накшбанди - бухарский шейх (ум. 1390), заложивший организационные основы суфийского ордена Накшбандия.

И когда с той собакой сравнил он себя,
Умилился до слез он, в стенаньях скорбя.

И сказал он: "Звать верным себя я не смею,
Не могу я себя даже сравнивать с нею!

Перед господом ей только верность присуща,
От меня ж ему — мука, тяжка и гнетуща!"

И пока так судил муж благого чела,
По дороге другая собака прошла.

И узрел он, проникнутой мыслью благою,
След, впечатанный в землю собачьей ногою.

"Я ли выше, — сказал он, — иль след сей собачий?"
И себе он сказал: "Ты во правде — незрячий!

Это — знак на пути, где муж верности шел,
Ты ж в постыдном неверье влачишь свой подол!"

И когда завершил он такую беседу,
Пал он, землю лобзая, к собачьему следу.

Так благие свое существо отрицали,
Сделав небылью бывшее сущим вначале,

Чашу благ отрешенья вкушала их суть,
Если пут естества удалось им минуть.

В сути бога им вечность была неизвестна,
В единенье — сиянье чела неизвестно,

Но они на стезю отрешения стали,
Видеть вечность в пути единения стали!

Сборище мотыльков во изъяснение сути свечи

Как-то раз мотыльки захотели собраться,
У свечи для заветнейшей цели собраться.

Крылья их разожгла, словно полмя, смелость:
"Суть желанного света нам знать бы хотелось!

Что узнаем — по чести расскажем о том,
Суть изведем — вести расскажем о том".

Вот один, крылья выпустив в знак уговора,
Суть свечи разузнать в путь отправился скоро.

Видит — сборище в некоем доме ночное,
И свеча зажжена в том полночном покое.

И пронзительный свет ослепил его взгляд,
И о том он поведал, вернувшись назад.

Он сказал, а друзья и не поняли это,
Ведь невнятна их душам была та примета.

И чем ярче и внятней был звук его зова,
Тем бесцельней внимавшим казалось то слово.

От рассказа его невеликий был прок,
И лететь припустился другой мотылек.

И когда пролетал он с тем светочем рядом,
Он к нему присмотрелся внимательным взглядом.

Все поведал друзьям он, и внять он молил их,
Но понять его речь они были не в силах.

И еще один, выказав рвенье и пыл,
У свечи полетал и над ней покружил.

Не достиг он желаний нимало, нисколько,
Облегченья страданий не стало нисколько.

И другими великая страсть овладела,
И к заветной мечте они ринулись смело.

И порхали вокруг свечки они сгоряча,
И огнем опалила им крылья свеча.

Как их жгло в единенье с желаньем заветным,
Сказ тот был бы нелегким и даже запретным.

Светоч тот описать никому не доступно,
Вникнуть в суть его жара уму недоступно!

Суть вещей человек узнает лишь, когда
Его пепел — и тот пропадет без следа.

Он стремится в огонь и бесстрашно, и смело,

И, сгорая, в огне очищает он тело.

Коль желанная цель ему ведома стала,
Говорить о другом тут уже не пристало.

Он в желанном себя умертвит навсегда,
В отрешенье — с желанным он слит навсегда.

Из него не изыдет ни вздоха, ни слова,
Он познал ведь ту правду, что сути основа.

А к судьбе мотыльков как присмотришься глазом,
Сердцу два откровенья внушаются разом.

Не сгоришь — не познаешь. Вот первая суть.
Если пеплом не станешь — желанье забудь!

Коль в огонь отрешенья не бросишь ты тело,
Если все, чем ты жив, в том огне не сгорело, —

Нет сиянья мечтам и заветным стремленьям,
И вовек не спознаешься ты с единеньем.

А другая суть в том, что горящий огнем,
В море пламени ринувшись, скроется в нем.

Дара речи в нем нету, и слов не найти там,
И ему недоступно судить о сокрытом.

Не спалишься — не будет и суть твоя явна,
А сгоришь — не узнаешь о том и подавно.

О Фани! Речь про суть отрешенья смири,
Единения ждешь — в отрешение сгори!

Мотыльком покружись над свечою горящей,
Одержимо бросайся на пламень палящий.

Если ж сути твоей и следа не осталось,
Плоти, жил и костей и следа не осталось,

Но при этом цель помыслов внятна уму,
Пусть об этом узнать не дано никому!

**Слово шейха Суфияна Сури о постижении вечности после
отрешения**

Шейх Сури был подвижникам веры главою,
Был он таинствам господа сутью живою.

Раз он слово держал на стезе наставленья,
И внимавший у пира²⁴ спросил разъясненья:

"Кто взыскует у бога заветную суть,
К цели помыслов высших каков его путь?"

Тот ответил: "Есть тысячи разных распутий,
И на всех испытанья - начало всех суетей.

Семь морей между тьмою кромешной и светом,
И просторы любого бескрайни при этом.

А когда те моря ты минуешь сполна,
Станет рыба тебе в то мгновенье видна.

Лишь вздохнет она - сразу же в зеве той рыбы
Без остатка два мира погибнуть могли бы.

Кто в морях отреченья застигнут потопом,
Нужно ль путь пролагать к неизведанным тропам?"

О том, как птицы у предела долины отрешения узнают о стране вечности

И на речи завесой легло покрывало,
Шум вопросов умолк, и ответов не стало.

Птицам так было горько от этого слова,
Что и разум не в силах помыслить такого.

И понятно им стало: задача трудна,
Да и птицам едва ли доступна она.

Разуверясь в себе, все безгласными стали,
В безысходной печали несчастными стали.

Та жестокая речь их губила незримо,
И из тел их изверглось кружение дыма.

Как узнали они про такие дела,
В тот же миг большинству их погибель пришла.

И от скорби нашли отрешенье иные,

²⁴ Пир - старец, духовный наставник.

И в смятенье пустились в полет остальные.

И, годами не зная покоя, летели,
И не мнилось бежать им от гибельной цели.

Через горы и доли их путь проходил,
Мчались быстро, пока не лишились сил.

Им в дороге случились такие напасти,
Что мильон языков не расскажет и части.

Если путь твой проляжет в ту сторону света,
И случится воочью увидеть все это,

Ты узнаешь, где путь их тяжелый пролег,
Сколько крови им стоили муки дорог.

Наконец, изнемогшая в немощи стая,
Претерпев все мученья, от язв изнывая,

Долетела до цели, но птиц было мало,
И тела им и души огнем опаляло.

Долог путь был, и много им выпало бед,
Злу страданий и мук в нем скончания нет.

Здесь иные из птиц смерть в дороге познали,
А другим суждено было сгинуть в печали.

Там вихрились несчастьями сотни самумов,
Всем пришельцам нить жизни вырвать задумав.

Раз превратностям рока предела там нет,
Ничего, что осталось бы цело, там нет.

И из ста тысяч сонмов собратьев пернатых,
Поредевших в ста тысячах бед и в утратах,

Только тридцать там сжали усталые крылья,
В их телах жизни нет и следа от бессилья.

И ни перышка целого - ворс их разъят,
Словно в щепки поленья кололи подряд.

Их тела обессилили мука и горе,
Души их истерзали невзгоды и хвори.

И узрели они вид высот благодатных:
Целый мир там простерся широт необъятных.

Разум немощен вникнуть в его естество,
Небосвод - меньше жалких былинки его.

Там из благостных туч ливни хлещут потоком,
Гром и молнии блещут там в небе высоком.

Там потоком весь мир заливают напасти,
Небо в пепел сжигают там молнии страсти.

Семь небес²⁵ там не больше пригоршни земли,
Райский сад там не больше былинки в пыли.

Птицы биться в великом смятении стали
И от немощи жалки не менее стали.

Видят - если сто солнц там огнем загорится,
С сотой долей пылинки им там не сравниться.

И взроптали тут птицы на горький свой рок,
И огонь им все крылья и перья обжег.

"Нас здесь тридцать, обьятых негодной мечтою,
Дали мы совратить себя мыслью пустою.

Мы в пути претерпели лихие напасти,
Каждый миг у смертельного страха во власти.

Жизнь прошла, - где же цель, - вот души нашей крик,
А пред нами простор этой шири возник.

Здесь исхода нам нету, и нет бытия нам!"
Дым извергся из уст их потоком багряным,

Каждый миг безнадежность свой лик им являла,
И несчастным сердца той бедой сокрушало.

И заблудшая стая в бессилье была
И не ведала средства спастись ото зла.

И лететь у них силы и воли не стало,
И терпенья для мук в этом доле не стало.

²⁵ Семь небес - семь вращающихся небесных сфер, соответствующих семи планетам; шесть сторон - север, юг, запад, восток, а также надир и зенит; четыре основы - вода, земля, огонь, воздух.

Вдруг завеса расторглась, и славы глашатай
Возблистал среди них птицей счастья крылатой.

И узрел он ту стаю в бессилье таком,
Сотней бед оплетенную, словно силком.

И спросить он решил, к ним участие питаю,
И сказал: "Кто такие вы - эта вот стая?"

Вы в плену и в неволе у тысяч несчастий,
Кроме "нет", что за прок вам от этих напастей?

Бесприютны, в смятенье и страхе вы все,
В вашей доле простерты во прахе вы все.

Свойства, кроме ничтожности, в вас незаметны,
Вы в ничтожности этой для глаз незаметны!"

И сказали они: "Мы - несчастная стая,
Мы унижены, в немоци нашей витая.

Истрадались в дороге мы, шаха ища,
Сей предел в муках горя и страха ища.

Было много нас - войско-дружина без шаха, -
Разве может быть войско без чина, без шаха?

Наши жизни в пути тяжкий гнет претерпели,
Сотни тысяч различных невзгод претерпели.

Сотни тысяч сбратавшихся стай всех пород -
Пред числом их - ничто человеческий род.

Все погибли, в дороге упав омертвело,
Только тридцать всего нас сюда прилетело.

Был Симург бы нам шахом в величье всевластным,
Нам различие зла и добра было б ясным!

Был бы шахом сей смысл сокровенный храним,
Ну а раб может быть и ничтожным пред ним!"

"О безвестная стая, - воскликнул глашатай, -
В вашей речи бездумия край непочатый.

Знать, и впрямь вы теперь в превеликом смятенье,
Что такая вот мысль вам пришла в разуменье.

Как о шахе осмелились вы помянуть,
Как та мысль проложила в сердца ваши путь?

Вы - ничтожней ничтожества, зряшная стая,
Тешит вас небылица, бездумно пустая!

Кто способен взъяриться в ничтожестве пущем,
Тот себя уже мыслит воистину сущим.

А ведь в вас бытия не бывало ничуть,
Вздор и небыль взмечталось вам выдать за суть!

И сердца ваши тоже исполнены бредней,
И мечты ваши - вымысел самый последний!

Будь и сто тысяч солнц в этом светлом пределе -
И с пылинкой сравниться б они не сумели!

Здесь сто тысяч слонов - каждый грозен и яр -
Будут падалью жалкой, слабы как комар!

Нет вам здесь бытия, но не будет и тлена:
Ваша суть рядом с тленом мелка несравненно.

Прочь летите, простясь с болтовнею убогой,
А молчать невтерпеж - говорите дорогой!"

От речей этих птицы лишились ума,
Их язык ослабел, речь их стала нема.

И воочью они уже смерть примечали,
И пылали в огне безысходной печали.

"Наших бед на пути к этой цели нам жалко,
Мук, - вскричали они, - что стерпели, нам жалко!

Шах высок разуменьем и саном велик,
Что ему до таких вот, как мы, горемык?

Жаль трудов, жаль надежд - не далось их сберечь нам,
Жаль нам помыслов наших о счастье вечном!

Все, что было, печалью лихой обернулось,
И обманом надежд и тоской обернулось.

Есть ли в мире несчастная стая, как мы?

Кто еще обманулся, мечтая, как мы?"

О том, как птицы, отчаявшись в отрешении, обретают силы в наставлении Удода

"К-эй, - сказал им Удод, - бесприютная стая,
Без жилья и без крова беспутная стая!

Не теряйте надежду на шахскую милость,
Среди свойств его щедрость от века водилась.

Если трудно свидание с ним обрести,
Лучше - смерть на взыскующем этом пути.

Раз уж нам это благо ниспослано роком,
И нашли мы приют в этом доле высококом,

Это - счастье великой и благостной чести, -
Пусть в любви к нему здесь мы погибнем все вместе!"

И явили тут птицы смирения знак
И сказали Удоду: "О мудрый вожак!

Мы во всех испытаньях нам выпавшей доли
Подчинялись твоим повеленьям и воле.

Где летел ты - летели и мы за тобою,
Лишь велел ты - мирились мы с долей любовью.

В час свиданья пришла к нам разлуки печаль,
Что ни скажешь - готовы в любую мы даль!"

И ответил Удод им: "Не падайте духом,
Не поддайтесь в отчаянье бедам-порухам.

Раз уж мы с этим странствием впредь согласились,
Значит, мы сто несчастий стерпеть согласились.

В наших странствиях шах - всех мечтаний залог,
Смысл и суть наших поисков - шахский чертог.

И теперь мы уже у задуманной цели, -
Знайτε: цель ваша здесь, в недалеком пределе.

Для того, в ком любовь - совершенству порукой,
Безразлично равны единенье с разлукой.

Благосклонность кумира мечтанна ему,
Все, что тот пожелает, - желанно ему.

Если вам не найти в единении лада,
Разве мысль о желанном сама - не награда?

Жизнь и душу отдать с этой мыслью - поверьте, -
Значит - вечную жизнь обрести в этой смерти!"

Притча

Некто встретил Медждуна в степи, и при встрече
Тот твердил беспрестанно какие-то речи.

"С кем же ты говоришь?" - молвил путник, горюя.
Тот сказал: "Добрый странник, с Лейли говорю я".

"Далеко ль, - был вопрос, - до нее тебе бресть?"
"Эх, невежда, - тот молвил, - в душе она, здесь!"

А тому, кто в душе жив в любое мгновенье,
Даже дальность дорог не приносит забвенья!"

Кто в любви совершенством высоким отмечен,
Для него образ избранный в памяти вечен.

Раз уж вы о любви завели эту речь,
То умеете из мук ее радость извлечь!"

О том, как птицы, постигнув отрешение²⁶, достигают единения с вечностью

Так вот странники благо изведать сумели
С той поры, как решили отправиться к цели.

Днем и ночью в пути, забывая усталость,
Не страшились невзгод, сколько их ни встречалось.

И они утвердились в желанье своем,
И вожак их, учаством к ослабшим влеком,

Много слов им сказал о величье и силе,
И несчастья пернатую рать не сломили.

А иные поддались сомненьям унылым,
Но Удод, как вожак, правый путь возвестил им.

²⁶ Второе отрешение - высшее отрешение, в котором осуществляется слияние с божеством.

Не оставил он птиц с их страданьем лихим,
Наставленья и притчи поведал он им.

Души речью его обогрело им снова,
Стало легким тяжелое дело им снова.

Им и верность и преданность дружбу дарили,
С их исканьями два этих свойства дружили.

Если ж стаи гнело унижение невзгод,
Не предаться тоске убеждал их Удод,

Было послано мужество стаям пернатым,
Были мудрость и разум в искусном вожатом.

Во втором отрешенье - во благе примерном
Стал им истинный друг их наставником верным.

То ли ветер садов единенья пахнул,
То ль Мессия священным дыханьемдохнул, -

Распахнулось сокрытых завес покрывало,
И раскрыло все то, что собою скрывало.

Полог света и мрака над ширью земною
Расступился и тут же прошел стороною.

И в саду единения розы услад
Дуновением душ распускались подряд.

Боль ушла из сердец, обездоленных прежде, -
В единенье дано было сбыться надежде.

В каждой розе в саду проявилось зеркало -
Где ни глянь - их сиянье повсюду мерцало.

А еще сколько света и блеска вокруг
И потайно и явно вмещалось в тот луг!

И взглянули как будто бы в зеркало птицы,
И смотрели в мерцанье прозрачной водицы,

И открылась их взорам вся суть постиженья -
Им явилось в зеркале воды отраженье.

Тридцать птиц так лелеяли эту мечту,

Столько мук испытал и познав маету, -

Что Симург им свой лик явит в благо и в милость,
Чтобы им в отрешении вечность открылась!

А узрели себя - нет пред взором иного!
О аллах, это слово - чудесное слово!

Тридцать птиц на Симурга стремились взглянуть
И в себе увидали Симургову суть!

(Слово "си" значит "тридцать" в персидских созвучьях,
Словом "мург" персы птиц называют летучих).

Стала явною тайна, что в знаньях таится,
И жемчужница в жемчуг смогла превратиться.

Это слово, о сердце, - на птичьем наречьи,
На подвластном сокрытым отличьям наречьи.

И хотя в этом слове загадка видна,
И с трудом лишь отгадку находит она, -

Одoleет преграды душевная сила,
Если спесь и гордыню в себе подавила.

Чтобы все одолеть, кроме силы духовной,
В самой сути прозри смысл ее безусловный!

Человеку даны и величье и честь,
Чтоб злонравье в себе благодатью извeсть!

Если вдруг притеснитель лишится подвластных,
Нет и свойств у него, кроме самых прекрасных!

Если ж он обретет, как сокровище, славу,
И сгубить зло незнания дано его нраву, -

Как пророку, даровано благо ему,
Быль и небыль открыты душе и уму.

Тот, кто был вознесен к единению разом,
Тайн единого бога достиг его разум.

Блеск лучей единенья даст свет его взгляду,
Меж "тобою" и "мною" разрушит преграду.

Сутью истины море взбурлит иногда,
Но в бурлении волн морю что за беда?

В самой сущности вод - суть морская у моря,
То ли тишь, то ли буря на водном просторе,

А без вод - бытия нету волнам могучим,
Быль и небыль для волн - только в море кипучем.

Если ты это все до предела поймешь,
Если тайну вот этого дела поймешь,

Если будешь дарами отмечен от бога, -
Просветленным рассудком усвоишь ты строго,

Что ты сам есть предел всех желаемых суетей, -
Вне тебя нет иных создаваемых суетей.

Объяснение сути - вся сущность твоя,
Ты - отгадка загадок и мук бытия!

Поразмысли над сутью - своею потребой,
Все, что нужно тебе, от себя и потребуй!

Ты - чудесная птица из благостных кущей,
Непорочная птаха во славе цветущей.

Ну а эта вот стая, к Симургу стремясь,
На пути постижения в муках влеклась

И себя самое в завершенье познала,
И в исканьях своих единенье познала.

И в тебе эта суть пребывает в основе,
А придет ее время - и цель наготове.

Кто проникся до сущности истиной тою,
Речь его навсегда сражена немотою.

Речь - одно, смысл - другое, об этом размысли:
Тот, кто занят словами, не ведает мысли.

Смысл потайный, что стал для меня достижим,
Птичьей речью хотел я поведать другим.

С этой речью обычным словам не сравниться.
Смысл ее непорочный в стыде не таится.

Птичьи речи познавший поймет мое слово,
А еще - сверх понятия - примыслит иного.

И смышленная птица, поняв эту речь,
Все поймет, что из слов ее можно извлечь.

Ведь трудней всех речей вперечет эта повесть,
Языком бессловесных речет эта повесть.

Только пусть кто поймет - не проронит ни слова, -
Как бы с речью его не случилось дурного!

За слова эти каюсь я, боже, вполне,
Если ж что не сказал - ты прибежище мне.

Не в моей голове сих рассказов основа,
Я про тайны Атгара слагал это слово.

Не позволь эту речь заглушить моим бедам,
Приоттрись-ка, за кем направлялся я следом!

В чем оплошен я был, то - ему не в упрек, -
Каждый лист его полон достойнейших строк.

Если в слове грешил я повадкой неспорой,
Речь наставника сделай мне твердой опорой.

Говорил о тебе я ему в подражанье, -
Грех прости мой, приемли мое покаянье!

Притча

Жил безумец один, одержимый любовью,
Изнемогший от муки, даримой любовью.

Та, кого он любил, была сущей бедою,
Людам смертные муки несущей бедою.

Краше гурий красой неземною она,
Превзошла даже солнце с луною она.

Всей вселенной краса ее смутой грозила,
Всем пределам погибелью лютой грозила.

И при этой красе, несравнимо прелестной,
Были два ее свойства всем людам известны.

Отличалась суждением здравым она,
Отличалась безжалостным нравом она.

Как-то раз сей безумец, любовью томимый,
Предаваясь мечтам, говорил о любимой.

Лик он с розой сравнил, кипарис - с ее станом,
Дивный облик - с павлином, походку - с фазаном.

Вдруг нежданно пришла эта дева-луна,
Все те речи безумца слыхала она.

Все слыхала она, притаившись украдкой,
А потом к нему вышла открытой повадкой.

И сказала: "Твои незавидны сравненья,
Бесконечно такие мне стыдны сравненья!

Ты вот стан мой сейчас с кипарисом сравнил, -
Разве есть в кипарисе подвижность и пыл?

Ты лицо мое с розой сравнил в своем слове,
Но у роз разве есть чудо-очи и брови?

Ты, мой облик с павлиньим сравнить не преминув,
Поразмысли - кто ж разум терял от павлинов?

Ты вот поступь фазана сравнил здесь с моей, -
Где ж бывал от фазанов измор для людей?"

Столько колкостей дева сказала при этом,
Что несчастный поник, затруднившись ответом.

Он сказал: "Оплошал я, горю я во сраме,
Грешный раб, я хвалить тебя тщился словами!"

Гнев разыграл в луноликой в тот миг на беду:
"Да тебя я погибелью злой изведу!"

Пал на землю с мольбою безумец несчастный:
"О затмившая гурий красою прекрасной!

Все слова мои вызваны истой любовью,
Самым искренним чувством и чистой любовью.

В ней ни умысла злого, ни жалобы нет, -

Ничего, что укор выражало бы, нет.

Знать, моя похвала - неуместное слово,
Будь добра, не взыщи за провинность сурово.

Посчитай за невежества знак эти речи,
Посчитай за незнания мрак эти речи.

Посрамленье и стыд горемыку убьют,
А тебе убивать его - бремя и труд!"

И безумец исторг покаяний немало,
И красотка карать его смертью не стала.

Притча

Раз ходжа Абдулла Ансари досточтимый
Наставлял на стезе, благом истин хранимой:

"Кто поет и играет на сазе при этом,
И слагает напевы по вольным приметам,

Но в напевах его мысль о боге жива,
Знай, о муж истой веры: сих песен слова

Много лучше, чем пенье небрежным укладом
И тверженье корана заученным ладом.

Если есть в этом пении смысл сокровенный,
Это лучше, чем грех в час молитвы смиренной!"